

А. В. Шевцов

ЛОГИКО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ФИЛОСОФИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ (1870-1918)

Статья посвящена исследованию философского наследия Санкт-Петербургской духовной академии и содержит анализ философских теорий мыслителей из СПбДА и сопричастных этой школе. Исследуется присущая русской философии в целом и академической в частности онтологическая составляющая гносеологического направления философствования как ее характерная компонента и константа, в связи с этим осмысливаются идеи философов, повлиявших на формирование философского контекста во второй половине XIX века, условно «...от Карпова» как еще классического мыслителя. Автор приходит к выводу, что русская философия формировалась как осмысление восприятия от двух источников — раннехристианской литературы и рецепции платонизма через Лейбница, Вольфа. Профессором СПбДА М. И. Каринским была сделана попытка предвосхищения идеи новой логики путем критического переосмысления классической модели Аристотеля и скептического рационализма Канта. В статье предпринимается попытка вписать академическую философию в общий ландшафт русской философской мысли второй половины XIX — начала XX века.

Ключевые слова: Санкт-Петербургская духовная академия, онтология, гносеология, логика, Ф. Ф. Сидонский, В. Н. Карпов, М. И. Каринский, М. И. Владиславлев, В. С. Серебrenников, Н. Г. Дебольский, философия Платона, Лейбниц, философия, богословие.

Развитие духовно-академической школы было во многом обусловлено реформами духовного образования, которые осуществлялись фактически на протяжении всего XIX века и были связаны с последовательным принятием трех Уставов академий в 1809–1814, 1869–1870 и 1884 гг.

Среди профессоров, а также и бывших студентов Санкт-Петербургской духовной академии в середине и во второй половине XIX века особо выделяются М. И. Владиславлев, В. Н. Карпов, архиепископ Никанор (Бровкович), А. Е. Светилин, М. И. Каринский, Г. С. Дебольский, В. М. Каринский, Н. Г. Дебольский и другие. Так, например М. И. Владиславлев обучался в СПбДА в 1859–1861 гг., а В. Н. Карпов не обучался там, но был приглашен из Киевской духовной академии в СПбДА в 1833 г.

Александр Викторович Шевцов — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Московского авиационного института (национального исследовательского университета) (МАИ) (ashevzov@mail.ru).

М. И. Каринский и его логико-гносеологическое учение

Крупнейшим преемником логической линии в философии, заданной Василием Николаевичем Карповым, безусловно, являлся знаменитый профессор Санкт-Петербургской духовной академии Михаил Иванович Каринский (1840–1917)¹ который пришел в Академию в 1869 г. Он был ученым с большой буквы.

В 1867 г. Каринский подал документы в СПбДА на место по кафедре логики и психологии, освободившееся в связи со смертью В. Н. Карпова. Каринский пожелал занять вакантное место и принял участие в конкурсе, представив свою программу по логике². Однако, хотя программа молодого преподавателя и заслужила высокую оценку, но на кафедру тогда пригласили профессора А. Е. Светилина. М. И. Каринский был приглашен в Санкт-Петербургскую духовную академию на кафедру метафизики в 1869 г. С 1874 года Каринский перешел на кафедру истории философии. В 1880 г. — публично защитил в Санкт-Петербургском университете свою докторскую диссертацию «Классификация выводов»³. Свидетельства о вехах творческого пути М. И. Каринского имеются в трудах И. А. Чистовича, А. Л. Катанского⁴, С. М. Лукьянова⁵.

В 1870–1890 гг. начинается бурный период концептуального оформления духовно-академической философии. В это время произошел расцвет философского обоснования религиозных идей, именно тут появляются очень глубокие исследования и разработки в области логики и закладываются основы развития логико-гносеологического направления в духовно-академической философии, которое в свою очередь повлияло на подтягивание до соответствующего уровня университетской науки.

Влияние исследований Каринского прослеживалось вплоть до середины XX века, когда, согласно знаменитому Постановлению 1943 года, школа логики в университетах формировалась заново. В своем учебнике по логике, вышедшем в 1947 г., после долгого забвения и периода

¹ Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 229. Оп. 4. Д. 1633 (об обучении Каринского в семинарии и Московской духовной академии, 8 с.).

² Чистович И. А. Санкт-Петербургская духовная академия за последние 30 лет (1858–1888). СПб., 1889. С. 134.

³ См.: Каринский М. И. Классификация выводов. 2-е изд. М., 1956. С. 3–192.

⁴ Катанский А. Л. Воспоминания старого профессора (с 1877 по 1913 г.) // Христианское чтение. 1916. Февраль. С. 196–197.

⁵ Лукьянов С. М. О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы. Материалы биографии. XIII // ЖМНП. 1917. Январь. С. 14.

нигилистического отношения к логике в СССР, его автор, Валентин Фердинандович Асмус, опирался в теории умозаключений на глубокие исследования М. И. Каринского⁶, которые не потеряли свою актуальность и в 1950-е годы, спустя более чем полвека.

М. А. Антонович и значение его переводов английских логиков

Санкт-Петербургскую духовную академию в 1859 г. закончил и Максим Алексеевич Антонович (1835/36–1918), первый переводчик трудов по логике английского мыслителя У. С. Дживонса⁷. Перу Антоновича принадлежат переводы и другого английского логика и философа, Уильяма Уэвелла⁸, а также комментарии к ним⁹. С одной стороны, работы Антоновича показывали его интерес к проблемам логики¹⁰, теории познания и гносеологии. Эти философские проблемы отвечали запросам выпускников и преподавателей духовных академий. Однако, с другой стороны, необходимо отметить объективно и тот факт, что М. А. Антонович сотрудничал с 1859 г. с журналами «Современник», «Былое», «Минувшие года» и другими, выступая в них под псевдонимом «посторонний сатирик». Влияние круга Н. Г. Чернышевского, несомненно, сказалось на формировании антирелигиозной позиции Антоновича и принадлежности его воззрений к атеизму или, по крайней мере, материализму и дарвинизму.

М. И. Владиславлев и его логика

С 1859 по 1861 г. в СПбДА учился Михаил Иванович Владиславлев, затем ставший профессором Санкт-Петербургского университета, первый переводчик Канта, разработавший также свою оригинальную концепцию логического учения. Считается, что перевод «Критики чистого разума»

⁶ См.: Асмус В. Ф. Логика: Учебник. 3-е изд. М., 2010.

⁷ Дживонс С. Основы науки. Трактат о логике и научном методе Стенли Дживонса / пер. М. А. Антоновича. СПб., 1881.

⁸ См.: Уивелль Вильям [Wevell William]. История индуктивных наук от древнейшего и до настоящего времени / пер. М. А. Антоновича. СПб., 1867. Т. I, II; 1869, Т. III (соавтор перевода А. Н. Пыпин).

⁹ См.: Антонович М. А. Избранные философские сочинения. М., 1945.

¹⁰ См.: Дживонс Стенли. Элементарный учебник логики, дедуктивной и индуктивной, с вопросами и примерами / пер. М. А. Антоновича. СПб., 1881.

Н. О. Лосского более точный, он и стал классическим, но именно по переводу Владиславлева учились несколько поколений студентов академий и университетов.

Профессор Петербургского университета, кантианец Александр Иванович Введенский в своем сочинении по логике усматривал ошибочность теории логического учения М. И. Владиславлева (и Н. О. Лосского). Ошибка Владиславлева, по Введенскому, заключалась в том, что он, Владиславлев, «стал защищать правильность тех условно-категорических силлогизмов, в ошибочности которых мы только что убедились»¹¹. Введенский вообще, возможно несколько поспешно, объединял логические теории Владиславлева и Лосского, усматривая их сходство в допущенных неточностях. Так, он писал: «По теории Владиславлева-Лосского существует не два, а четыре правильных модуса условно-категорических силлогизмов: 1 — *ponens*, 2 — *tollens*, 3 — заключение от согласия со следствием условной посылки к необходимости соглашаться и с ее основанием, 4 — заключение от отрицания ее основания к необходимости отрицать и ее следствие»¹². Причем пункты 3 и 4, на которых особенно настаивал Введенский, как на ошибках теорий Владиславлева и Лосского, имелись в логике у Светилина, а также и у Карпова. Таким образом, можно предполагать наличие фундаментальных общих черт логик в духовно-академической философии. Данная особенность была вызвана не какой-либо последовательно передаваемой логической концепцией, восходила напрямую и сразу к древнейшим учениям, возможно неоплатоническим или раннехристианским. Мы видим в этом «ошибочном выводе» еще двух правильных модусов условно-категорических силлогизмов (согласно А. И. Введенскому) признак, характерный для логик духовно-академических философов.

А. Е. Светилин и создание классического учебника по логике

Александр Емельянович Светилин (1842–1887), преемник В. Н. Карпова в СПбДА с 1867 г., написал «Учебник логики» (1871)¹³, который на протяжении 45 лет, с 1871 по 1916 гг., выдержал 14 изданий и оставался классическим учебником по логике в России вплоть до революции. Светилину принадлежит целый ряд трудов по философии¹⁴, логике,

¹¹ Введенский А. И. Логика как часть теории познания. СПб., 1912. С. 190.

¹² Там же. С. 191.

¹³ См.: Светилин А. Е. Учебник формальной логики. СПб., 1871–1916.

¹⁴ См.: Он же. Умеренный материализм. СПб., 1878.

рецензия на логику М. А. Владиславлева¹⁵, опубликование которой вызвало полемику между ним¹⁶ и Владиславлевым¹⁷.

Логическая теория Светилина имеет тот же самый признак, на который указывал как на ошибочность толкований и представления модусов А. И. Введенский. Так, согласно А. Е. Светилину, «...закон тождества требует, чтобы мысли, имеющие одно и то же содержание, — хотя бы они мыслились в разное время и разными людьми, — рассматривались с логической точки зрения не как различные мысли, но как одна и та же мысль: коль скоро принята одна из них, то должны быть приняты и все другие; коль скоро одна отвергнута, должны быть отвергнуты все; что идет в доказательство или опровержение одной, то идет в доказательство или опровержение всех»¹⁸.

А. И. Райковский, И. Ростиславов, П. И. Нечаев и А. П. Лопухин

В первой половине XIX века закончивший СПбДА протоиерей Андрей Иванович Райковский (1802–1860), будучи профессором Санкт-Петербургского университета, читал там лекции по логике и опытной психологии¹⁹. По сообщениям Ф. Н. Устрялова²⁰, он работал в университете фактически в то же время, когда и Карпов в академии²¹.

Ко времени после принятия «второго» Устава 1871 года относится и деятельность И. Ростиславова²², профессора СПбДА. Ростиславов,

¹⁵ *Он же*. [рецензия] Логика. Обзорение индуктивных и дедуктивных приемов мышления и исторические очерки: логики Аристотеля, схоластической диалектики, логики формальной и индуктивной М. Владиславлева. СПб., 1872 // ЖМНП. 1874. Ч. 174. С. 284–298;

¹⁶ См.: *Он же*. [рецензия на логику М. Владиславлева] // ЖМНП. 1874. Ч. 175. С. 211–252 [на эту рецензию имеется «ответ» Владиславлева].

¹⁷ *Он же*. По поводу «ответа» Владиславлева // ЖМНП. 1875. Ч. 179. Май. С. 175–239.

¹⁸ См. о законе тождества по Светилину: Логический словарь / под ред. Н. И. Кондакова. М., 1971. С. 456–457.

¹⁹ См.: *Райковский А. И.* Логика, описывающая механизм нашей мысли, ее формы и законы на основании здравого, христианством руководимого, смысла, составленная протоиереем А. Райковским. СПб., 1857. Ч. 1.

²⁰ *Устрялов Ф. Н.* Воспоминания: Санкт-Петербургский университет в 1852–1856 гг. // Исторический вестник. СПб., 1884. Т. XVI, XVII.

²¹ См.: *Райковский А. И.* [некролог] // Странник. СПб., 1861. Январь. Отд. IV.

²² См.: *Ростиславов И.* Санкт-Петербургская духовная академия до графа Протасова // Вестник Европы. 1872; Санкт-Петербургская духовная академия при графе Протасове // Вестник Европы. 1883.

как и И. А. Чистович²³, сделал попытку осмыслить деятельность Санкт-Петербургской академии за этот период.

Свою лепту в академическое образование внесли выпускники СПбДА Петр Иванович Нечаев (1842–1905), окончивший Академию в 1868 г., преподаватель церковной истории, и Александр Павлович Лопухин (1852–1904), церковный писатель, богослов, переводчик, закончивший СПбДА в 1878 г., впоследствии служивший в церкви при русском посольстве в Нью-Йорке.

В. С. Серебренников

В конце XIX — начале XX века разворачивалась плодотворная деятельность профессора СПбДА Виталия Степановича Серебренникова (1862–28.01.1942). Серебренников закончил Санкт-Петербургскую духовную академию в 1886 году. А 26 сентября (8 октября) 1892 г. он был назначен и. д. (исполняющим должность) доцента кафедры психологии. В 1892 г. Серебренников защитил диссертацию на степень магистра по теме «Учение Локка о прирожденных началах знания и деятельности».

В 1892–1893 гг. В. С. Серебренников, будучи на стажировке за границей, в Германии и во Франции, занимался у Вильгельма Вундта в Лейпциге и Георга Элиаса Мюллера в Геттингене, а также посетил в плане знакомства с институтами экспериментальной психологии Берлин, Бонн, Гейдельберг и Париж. В начале 1909 г. В. С. Серебренников получил степень доктора богословия, а с 14 сентября он стал ординарным профессором. В 1934 г. из-за назревавших репрессий Серебренников уехал в родной Вятский край, работал там, в отделе краеведения, в областной научной библиотеке. Умер проф. В. С. Серебренников 28 января 1942 г.

В. С. Серебренников считал себя учеником Михаила Ивановича Каринского²⁴. Его перу принадлежит ряд исследований и статей, проблематика которых лежит на перекрестии философии, теории познания и психологии. На следующий год после возвращения со стажировки в Германии, в 1894 г., Серебренников написал статью о М. И. Каринском и Канте²⁵. Он был одним из авторов «Энциклопедического словаря

²³ См.: Чистович И. А. История Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1857; Санкт-Петербургская духовная академия за последние 30 лет (1858–1888 гг.). СПб., 1889.

²⁴ См.: Шевцов А. В. Философские воззрения М. И. Каринского // Христианское чтение. 2015. № 3. С. 56.

²⁵ Серебренников В. С. Новая книга о философии Канта (О Каринском и его теории) // Вопросы философии и психологии. 1894. № 23. Май. С. 409–423.

Брокгауза и Ефрона» и печатался в журнале «Христианское чтение» по философии психологии²⁶, философии²⁷ и отдельно по психологии²⁸.

По работам В. С. Серебренникова, да и текстам других ученых видно, что логику и теорию познания²⁹ они еще понимали вместе с психологией³⁰, как это отчетливо показано у Серебренникова на примере «Логики» В. Н. Карпова³¹. Логическое учение Карпов еще практически совершенно не отделял от психологии: психология тогда типологически представлялась учением, точнее навыками, о поведенческих реакциях, а поэтому отсюда и логика трактовалась как часть поведенческой теории. В этом состояла ее новизна против традиционных логических концепций — дедукции и силлогизма Аристотеля или индукции и гипотезы Милля³².

Изменения в академическом преподавании философии после издания Устава 1871 года

Процесс реформирования духовно-академического образования в общем и в частности сводился к повышению качества преподавания философских дисциплин, с тем чтобы читаемые курсы отвечали современному уровню развития знания. С одной стороны, это предполагало использование новейших научных идей и учет философских достижений западной мысли, а с другой стороны, важно было при этом

²⁶ *Он же.* Психофизические исследования и их значение для психологии // Христианское чтение. 1895. Ч. I.

²⁷ *Он же.* Самооткровение духа как источник его познания // Христианское чтение. 1897. Ч. I.

²⁸ *Он же.* Опытная психология и ее методы // Христианское чтение. 1899. Ч. I.

²⁹ См.: *Он же.* Декарт и его философия // Христианское чтение. 1896. Ч. I.

³⁰ См.: *Он же.* Механическое воззрение на душевную жизнь пред судом современных строго научных психологических исследований // Христианское чтение. 1897. Ч. I.

³¹ См.: *Он же.* В. Н. Карпов как психолог // Христианское чтение. 1898. Ч. I.

³² Вот мнение студента СПбДА, будущего архиепископа Никанора (Бровковича) (1826–1890) о лекциях В. Н. Карпова, приведенное в монографии Артема Павловича Соловьева (см.: *Соловьев А. П.* «Согласить философию с православной религией»: идейное наследие архиепископа Никанора (Бровковича) в истории русской мысли XIX–XX веков. Уфа: Изд. Словохотов А. А., 2015), о преподавании В. Н. Карповым истории философии в СПбДА. Так, «В низшем нашем отделении важнейшие профессора: 1) истории философии — Василий Николаевич Карпов говорил только с самого начала, до Платона, и мы его понимали. С Платона стал читать, и мы его перестали не только понимать, но и слушать» (Там же. С. 35). Архиеп. Никанор учился в Санкт-Петербургской духовной академии с 1847 по 1851 г., затем преподавал в ней до 1856 г.

не допустить проникновения в академическое образование рационалистических и материалистических концепций, которые активно разрабатывались в особенности во второй половине XIX века, как, например, идеи Маркса, Молешотта, Бюхнера, позитивной философии.

В этот период наблюдался общий рост небывалого прежде интереса к естественным наукам, к наблюдениям, и как нельзя лучше этот интерес способствовал развитию биологии. Поэтому, как подчеркивала И. В. Цвык, «...распространение в российском обществе первой <уже!> половины XIX века идей западноевропейского рационализма и материализма, а также разного рода неправославных мистических течений требовало от православных мыслителей способности к высокому уровню теоретизирования и концептуальному обоснованию православных положений»³³. Все это сближало богословские предметы с их философским осмыслением. В связи с потребностью быть в курсе научных достижений, а также компетентно реагировать на появлявшиеся многочисленные тексты о научных и псевдонаучных открытиях, во второй половине XIX века, именно «...согласно Уставу духовных академий 1871 года в программы семинарий были введены следующие предметы: логика, психология, основания философии и история философии»³⁴. В целом, философию в академиях изучали все четыре года обучения, причем логика составляла заключительную, высшую ее часть. По курсам обучения предметы распределялись следующим образом: «I — гносеология и онтология; II — история философии и психология; III — история философии и метафизика; IV — логика»³⁵.

С одной стороны, «...в трудах Н. Бердяева, Е. Боброва, Александра Введенского, Я. Колубовского, Н. Лосского, Х. Раппопорта, Г. Шпета, Б. Яковенко отмечалась определенная роль в развитии русской философской мысли отдельных академических мыслителей (в основном Ф. Ф. Сидонского, П. Д. Юркевича, В. И. Несмелова), но высказывалось и негативное мнение о духовно-академической философии в целом и отрицалось ее влияние на развитие русской философии»³⁶. С другой стороны, давались

³³ Цвык И. В. Духовно-академическая философия в России в XIX в. М.: Изд-во РУДН, 2002. С. 9.

³⁴ Гетманова А. Д., Стасюк В. А., Рынковой И. В. Логика (для духовных учебных заведений, а также религиоведческих кафедр). М., 2016. С. 228.

³⁵ Предеин Д., прот. Введение в философию: учебник для православных духовных школ. СПб., 2009. С. 330.

³⁶ Цвык И. В. Духовно-академическая философия в России в XIX в... С. 11.

и положительные оценки, как, например, видно в текстах С. Булгакова, Э. Радлова, В. Зеньковского, Г. Флоровского. Однако таких оценок заслуживали только отдельные аспекты философии духовно-академических писателей, — на том, что о духовно-академической философии нужно говорить как о вполне самобытной, самодостаточной и настолько разнообразной, что она, в сущности, была способна самостоятельно полностью покрыть возникавшие смысловые лакуны, внимание не акцентировалось. Вслед за М. А. Маслиным, считавшим, что духовно-академическая философия «... представляет собой неотъемлемую часть интегральной истории русской философии как „динамичной совокупности различных идей, составляющих вместе «цельное знание» русской философской рефлексии“»³⁷, справедливо подчеркнула особый характер духовно-академической философии также и И. В. Цвык^{38, 39}.

Э. Л. Радлов и его история русской философии

В «Очерке истории русской философии» Э. Л. Радлов устанавливал прямое родство между славянофильством и тем философским направлением, которое культивировалось в духовных академиях. Так, ссылаясь на Андреева, указывавшего «на близость Киреевского, Аксаковых и Самарина к проф. Голубинскому, отчасти к Казанскому и Горскому», Радлов замечал, что «идеи славянофилов оказывали влияние на некоторых профессоров духовной академии и наоборот»⁴⁰, что было вполне естественно. Причем по многим позициям и славянофилы, и западники существенно были близки, а демаркационную линию между ними можно было провести единственно по проблеме отношения их к вопросам религии и связанным с ними их отношением к вере и Церкви.

³⁷ Маслин М. А. Русская философия как единство в многообразии // Русская философия: многообразие в единстве. Материалы VII Российского симпозиума историков русской философии. М., 2001. С. 3–4 // Цвык И. В. Духовно-академическая философия в России в XIX в... С. 11.

³⁸ См.: Цвык И. В. Проблема соотношения веры и разума в русской духовно-академической философии XIX в. // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2011. № 4. С. 41–50.

³⁹ См.: Цвык И. В. Преподавание философии в Московской духовной академии XIX в. // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: Философия. 2013. № 1. С. 44–57.

⁴⁰ См.: Радлов Э. Л. Очерк истории русской философии // Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпет Г. Г. Очерки истории русской философии / сост., вступ. ст., примеч. Б. В. Емельянова, К. Н. Любутина. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 125.

Э. Л. Радлов был, кажется, одним из самых известных учеников профессора Санкт-Петербургской духовной академии М. И. Каринского⁴¹. По мнению Радлова, взаимное влияние университетских профессоров и представителей академических школ практически всегда было гармоничным и плодотворным, при этом четко и явно не объявляясь. На это обратили внимание уже более поздние исследователи, которые обнаруживают, например, влияние идей академической школы и ее рецепции в университетской философии. Радлов исследовал более поздний этап развития философии в России, конца XIX — начала XX веков.

Идея Радлова была в том, что когда князь Евгений Трубецкой, автор фундаментальной работы о философии В. С. Соловьева, выпустил в 1917 г. свой труд об опыте преодоления Канта и кантианства, где, в точности придерживаясь программы Соловьева, старался лишь доказать, что «интуиция всеединого есть необходимое условие возможности чистых воззрений и категорий, что всякий познавательный акт предполагает безусловное сознание»⁴², — эту мысль князь обосновывал и концепцией о «самоочевидных истинах» М. И. Каринского, который построил совершенно самостоятельное и оригинальное логико-гносеологическое учение⁴³.

Характеристика мыслителей из СПбДА в «Путиях русского богословия» прот. Г. Флоровского

В своей книге «Пути русского богословия» (1937) прот. Георгий Флоровский, говоря о М. И. Каринском, писал: «...это был тончайший аналитик и критик философских систем, сочетавший эту критическую требовательность с непреклонностью веры... Так в духовной школе закладывались основания для систематической философской культуры»⁴⁴.

У прот. Георгия Флоровского вообще представлено интересное описание восьмидесятих годов XIX века⁴⁵. Причем Флоровский особо остановился на аналитическом исследовании религиозной публицистики

⁴¹ См.: Радлов Э. Л. М. И. Каринский. Творец русской критической философии. Пг., 1917; Он же. Ученая деятельность проф. М. И. Каринского // ЖМНП. СПб., 1895. С. 3–54; С. 406–429; С. 302; Декабрь. С. 281–308.

⁴² См.: Радлов Э. Л. Очерки истории русской философии. С. 143–144.

⁴³ См.: Шевцов А. В. Философские воззрения М. И. Каринского... С. 63.

⁴⁴ Флоровский Г. прот. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 242 (репр. изд.: Париж, 1937).

⁴⁵ Там же. С. 424.

В. С. Соловьева. Она охарактеризована у него как «часто слишком хлесткая, слишком часто совсем несправедливая и духовно близорукая... В тогдашней полемике Соловьева со славянофилами теперь уже только удивляет его напряженный задор, торопливость в суждениях, какая-то странная укороченность перспектив»⁴⁶.

Но со временем, и Флоровский это показал, мысль В. С. Соловьева обрела цельность и направленность на всеединство всех творческих возможностей и потребностей человека. И именно в христианстве они сплетаются в один живой узел. Здесь же Флоровский привел в пример факт появления программной статьи Н. Я. Грота в первом номере «Вопросов философии и психологии» (1889), где Грот писал, что «нужно открыть или построить новое „учение о жизни“, как ее оправдание»⁴⁷.

Флоровский констатировал изменения восьмидесятых и девяностых годов как «пастырское пробуждение, обновление пастырского идеала» в духовных академиях, раньше всего начавшиеся в Петербургской академии, когда «Янышев был заменен в должности ректора Арсением Брянцевым ≤...≥ Инспектором академии был переведен из Казани <...> Антоний Вадковский (1846–1912)»⁴⁸. Попытки решения проблемы «сомкнуть веру и философию» Флоровский показывал на ярких примерах деятельности и идей, рождавшихся в Санкт-Петербургской духовной академии. Он указывал на имевшее значение сочинение доцента СПбДА иеромонаха (впоследствии архиепископа) Антония (Храповицкого) о монашестве «ученом», внемонастырском («О монашестве ученом», 1889).

Флоровский сообщал, что первое пострижение в Петербургской академии относится к 1884 г., когда был пострижен Михаил (Грибановский) (1856–1898). Кстати, в Академии научным руководителем у него был М. И. Каринский, «и <Грибановский> писал ему диссертацию о Гераклите, который ему напоминал Шеллинга»⁴⁹. В своем дневнике Михаил (Грибановский) писал, что «догматы величайшей абсолютной религии должны быть величайшей истиннейшей философией. Нужно только понять их и проникнуть философским анализом и синтезом», как передал Флоровский, указывая, что это было целое поколение петербургских академических иноков, к которому принадлежал и Антоний (Храповицкий)⁵⁰.

⁴⁶ Там же. С. 425; 426–427.

⁴⁷ Там же. С. 425.

⁴⁸ Там же. С. 426.

⁴⁹ Там же. С. 427.

⁵⁰ Там же.

Воспоминания и выводы Флоровского дополняют и во многом подтверждают обрисованный другими мемуаристами «портрет» Санкт-Петербургской духовной академии восьмидесятых и девяностых годов XIX века.

Концепция самоочевидных истин М. И. Каринского и суть его полемики с А. И. Введенским

Свои взгляды на рационализм в философии Каринский изложил в концепции самоочевидных истин в преддверии своей полемики с Александром Ивановичем Введенским относительно рациональных обоснований положений о пространстве и времени Канта. Эта тема была затронута Каринским в работе «Об истинах самоочевидных» (1893). Итак, полемика вокруг этих положений Канта состоялась между М. И. Каринским и А. И. Введенским, признанным кантианцем, профессором Санкт-Петербургского университета, в 1894–1896 гг. на страницах журнала «Вопросы философии и психологии»⁵¹.

Введенский⁵² настаивал в данной полемике сугубо на кантовских терминах и их трактовках, тогда как М. И. Каринский применил его же, Канта, «критическую» методологию, чтобы рационально (!) прояснить понимание идеи «времени как только моего представления»⁵³.

Однако относительно вышеназванной полемики складывается ощущение отчасти разнонаправленных толкований проблемы времени

⁵¹ См.: Введенский А. И. Судьбы философии в России // Очерки истории русской философии. Изд-во Урал. Ун-та, 1991. С. 34–35; С. 37.

⁵² См.: Введенский А. И. О Канте истинном и воображаемом // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 5. № 22. С. 621–660; *Он же*. О Канте действительном и воображаемом. Комментарии к «Критике чистого разума» (По поводу книги г. Каринского «Об истинах самоочевидных»). М.: Типо-литографическое товарищество И. Н. Кушнарев и Ко, 1895. 40 с.; *Он же*. Учение Канта о смене душевных явлений. Ответ на защитительную статью г. Каринского // Вопросы философии и психологии. 1895. Кн. 29 (4). Сентябрь. С. 430–477.

⁵³ См.: Каринский М. И. По поводу статьи г. проф. А. И. Введенского «О Канте действительном и воображаемом» (начало) // Вопросы философии и психологии. 1895. Январь (кн. 26). С. 20–46; *Он же*. По поводу статьи проф. А. И. Введенского «О Канте действительном и воображаемом» // Вопросы философии и психологии. 1895. № 26–28; *Он же*. По поводу полемики г. проф. Введенского против моей книги «Об истинах самоочевидных» // ЖМНП. 1896. Январь (№ 1). С. 243–290; *Он же*. По поводу полемики проф. Введенского против моей книги «Об истинах самоочевидных» // ЖМНП: 1896. Ч. 303. Январь. Отд. 2.

у Канта, а посему критика и нападки Введенского, по крайней мере, были направлены на другой предмет. Но, тем не менее, полемика получила известность в пространстве русской философии конца XIX века, обогатив, без сомнения, философский ландшафт в России⁵⁴.

Позиция А. И. Введенского состояла в том, что он доказывал мысль Канта, якобы считавшего, что и наши представления, и сами пространство и, особенно, время, и их смена — суть действительны. М. И. Каринский считал, что пространство и время у Канта есть представления нашего разума, а переход к действительности для них не очевиден так же, как и проблема в связи со сменой представлений. В учении об априорности, априоризме в сознании Каринский разглядел у Канта догматизм, а поэтому критика уже Каринским рационализма получила совершенно четкое обоснование.

Критика логического учения А. И. Введенского у И. С. Продана

Для объективности восприятия в первую очередь логико-гносеологических исследований Александра Ивановича Введенского укажем на анализ концепции Введенского, который предпринял в начале XX века профессор и преподаватель Харьковского университета Исидор Саввич Продан. Так, в своей работе 1910 г. Продан как подробно разбирал саму логико-гносеологическую концепцию Введенского, так и критиковал его точку зрения на логику, его источники, и на прочтение последним Канта⁵⁵.

Э. Л. Радлов особо отмечал, что не только переводились и издавались книги по философии иностранных профессоров, но и «целый ряд „Введений в философию“ написан профессорами духовных академий; университетские профессора стали издавать введения в философию лишь последнее время, после появления переводных введений Паульсена и Вундта»⁵⁶. Как считалось, в духовных академиях преподавание философии было поставлено более полно, чем в университетах: кроме

⁵⁴ Более подробный анализ этой полемики см. в: *Шевцов А. В.* Философские воззрения М. И. Каринского: Дисс. ... канд. филос. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2014. С. 117–118; С. 104–107. Электронная версия: URL.: http://new.philos.msu.ru/uploads/media/Shevzov_A.V._thesis.pdf (дата обращения: 03.11.2014).

⁵⁵ См.: *Продан И. С.* «Новая логика»: Критическое исследование и разъяснение новых и старых ошибок. Изд. 2-е. М., 2016 (первое издание вышло в 1910 году).

⁵⁶ *Радлов Э. Л.* Очерки истории русской философии... С. 147.

курсов логики, истории философии, психологии (которую рассматривали как часть теории познания), читались еще курсы метафизики, нравственного богословия.

Таким образом, возможно заключить, что расцвет философии в 1870–1890-е гг. в духовных академиях, в частности в Санкт-Петербургской, вследствие формирования тенденции на примирение истин веры и истин знания, обусловил движение, которое дало весьма продуктивный эффект. Во-первых, образовалась сильная, самостоятельная философская школа; во-вторых, уже в ней философские штудии приобрели характер логико-гносеологических исследований; в-третьих, духовно-академическая философия во многом обеспечивала преподавателями и переводчиками философские факультеты университетов. По мнению епископа Арсения, в основе Устава духовных академий лежала «идея примирения веры и знания, та самая идея, которая была в основе и древней Александрийской школы»⁵⁷.

Н. Г. Дебольский и его философская система

Еще одним представителем духовно-академической школы философии был профессор СПбДА Николай Григорьевич Дебольский. Он происходил из русской интеллигентной семьи, его отец работал в СПбДА. Н. Г. Дебольский закончил Горный институт и естественный факультет (физика и биология) Санкт-Петербургского университета и преподавал логику, метафизику и психологию в Духовной академии. Дебольский сделал фундаментальный перевод «Науки логики» Гегеля, писал статьи с комментариями к переводу Гегеля, занимался проблемами выработки метода познания, его перу принадлежат статьи по теории познания и по феноменальному формализму, о диалектическом методе.

В 1882 г. (а его перевод «Науки логики» Гегеля стал выходить в 1916 г.) Н. Г. Дебольский написал книгу «Философия будущего: Соображения о ее начале, предмете, методе и системе», а до этого — «Введение в учение о познании» (1870). В «Философии будущего» Дебольский рассматривал вопрос о том, что «...возможно метафизическое или онтологическое познание того, что существует в себе, что, кроме учения о явлениях, возможно учение о вещах в себе»⁵⁸. Концепция Дебольского, названная им

⁵⁷ См.: Цвык И. В. Духовно-академическая философия в России в XIX в... С. 55.

⁵⁸ Дебольский Н. Г. Философия будущего: Соображения о ее начале, предмете, методе и системе. Изд. 2-е. М., 2012. С. XIX.

«феноменальным формализмом», оказывалась результатом построения объединенной познавательной доктрины на базе учений Канта о «вещи в себе» и теории Гегеля о «системе» философии.

Главная идея концепции Дебольского, идея «феноменального формализма», выводилась им из ряда других положений: так, он переосмысливал философскую феноменологию как феноменальные наслоения над первичной онтологией. То есть имеется онтологическое ядро, «вещь в себе», но и ее саму можно познать, причем мысль о ней есть фиксация признака ее, этой непознанной вещи в себе. Или, как писал Дебольский, «...ход развития философской системы проявляется непосредственно из начал философского метода... А должно быть приравнено *B* посредством бесконечного синтеза, то есть приписывания *A* возможности бесконечно малых приращений»⁵⁹. Но он при этом считал, что это приращение есть приращение признака, рост, увеличение не объема, а содержания. С точки зрения логического объема значений, объем значений растет с увеличением вносимых определений — и тем самым обогащает содержание.

Таким образом, объем [значений] понятия напрямую влечет обогащение содержания понятия. Дебольский их противопоставляет: по его мысли, приращение признака чисто феноменально, оно не увеличивает объем, а делает этот объем конкретнее, обогащает содержание. Здесь конечно, прочитывается Гегель, еще гегелевская феноменология, а не новая, Гуссерля. Феномен Гегеля, как у Дебольского, — это только признаки, некие лепестки папье-маше, которые, как приращения, укутывают предмет познания. И чем больше мы признаков добавим, «прирастим» до бесконечности, тем более конкретным становится предмет познания и тем самым это абстрактное дополняется до вещи. Поэтому первым членом в системе Дебольского оказывалось «наиболее бессодержательное», наиболее отвлеченное. Объем *A*, путем многих и постоянных приращений, по Дебольскому, при «превращении его в *B*, остается прежний, но оно только делается конкретнее, богаче содержанием»⁶⁰.

Свою концепцию Н. Г. Дебольский выстраивал, привлекая и познания из математической области: идея, как самое абстрактное, обозначается простым символом, числом; добавляемые признаки, или приращения — «дельта *x*» в математике, — представлял t по сути ряд, ряд значений-признаков. И тем самым такой процесс философского

⁵⁹ Там же. С. 132–133.

⁶⁰ Там же. С. 133.

определения образовывал связную систему, как доказывал Дебольский, в ее развитии «от наиболее абстрактного до наиболее конкретного» понятия путем бесконечного синтеза их признаков. Первый член системы, то есть ряда, был наиболее бессодержательное понятие, освобожденное от всякой связи с чувственностью, а последний член ряда, наоборот, — наиболее содержательное понятие, а следовательно, наиболее близкое к чувственному миру.

В философской системе Н. Г. Дебольского, думается, нашла свое выражение идея синтетического объединения (очевидно для доказательной базы) гегелевской метафизики, идеи Мирового Духа, воплощения Духа в вещах мира, отображения, познания «феноменального развития Верховного Разума» (термин Дебольского). То есть — выведение мира явлений из мира вещей в себе, где первый член ряда есть ноуменальное, ноуменальный образ, а все последующие, постоянно дополняющиеся приращениями, признаками, обретающие в становлении свою форму, суть феноменальное.

В синтезе логики, по теории Дебольского, это объединение достигалось и с очевидностью доказывалось некоей метаматематикой. И уже в этом отношении Н. Г. Дебольский предвосхищал идеи ряда известных исследований конца XIX — начала XX века, например, идеи в области философии математики, в области логики, как ее именовали во время Эдмунда Гуссерля, Феликса Клейна, Анри Пуанкаре и других. Н. Г. Дебольский, в отличие от своего коллеги по СПбДА М. И. Каринского, может быть, был менее строг в критике и отношении к теориям Канта, Гегеля, Фихте, Гербарта и других мыслителей, но он вообще перенес акцент с критики логики, логических структур, записи, синтаксиса на онтологические смыслы, на метафизику. Он выстраивал свою теорию на онтологии.

Н. Г. Дебольский видел заслугу идеализма в том, что он состоял «в отождествлении вещи в себе с разумом в себе и в установлении ступеней философского метода (положение, противоположение, соединение)»⁶¹. Дебольский, отмечая достоинства идеализма Гегеля, свою теорию считал «гегелианизмом». Вместе с тем он и критиковал Гегеля — за то, что его теория носила характер вывода, а не формирования построения всего опытного содержания. Отсюда, по Дебольскому, и возник антагонизм между философией и опытной наукой. У Гегеля

⁶¹ Там же. С. 143.

«Бог стал формой, идеей и перестал быть существом»⁶². Поэтому теория Гегеля есть теория формалистического атеизма. Дебольский настаивал, что философия должна исповедовать теизм; ближе к этому подошел Герbart, Гартман остановился на полпути, допустив «бессознательное», «волю», то есть психологизмы.

**А. Л. Катанский, С. С. Глаголев, Алексей Ив. Введенский
и о. П. А. Флоренский**

По кафедре догматического богословия в СПбДА работал известный профессор Александр Львович Катанский (1836–1919). Сложно обойти вниманием и значительную фигуру профессора Московской духовной академии Сергея Сергеевича Глаголева (1865–?), оставившего несколько важных исследований, в том числе рецензию на докторскую диссертацию Алексея Ивановича Введенского (считавшего себя учеником Каринского)⁶³.

Проф. Московской духовной академии Алексей Иванович Введенский впоследствии будет научным руководителем П. А. Флоренского. Автор «Столпа и утверждения истины», о. Павел Флоренский — ученый, философ, священник — продолжает своими трудами преемственную линию духовно-академической философии, ее логико-гносеологического направления М. И. Каринский — Алексей Ив. Введенский — о. П. А. Флоренский.

С. И. Поварнин и логика в СССР

Значительное место в рецепции и трансляции логических идей Каринского в логику XX века в целом и в логику советского периода в русской философии в частности занимает С. И. Поварнин (1870–1953)⁶⁴. Сергей Иннокентьевич Поварнин справедливо считал, что логика Каринского, наряду с логиками Венна и только отчасти Милля, обращалась

⁶² Там же. С. 144.

⁶³ См.: Глаголев С. С. Рецензия на докторскую диссертацию: Введенский Алексей Иванович. Религиозное сознание язычества. Опыт филос. истории естественных религий. Т. 1: Основные вопросы филос. истории естественных религий. Религии Индии. М., 1902 // Богословский вестник. 1913. Т. I; Он же. Исходные начала логики // Вера и разум. Харьков, 1903. № 13. С. 23–58; № 14. С. 59–77; № 15. С. 109–144; Он же. Логика и математика // Научное обозрение. 1896. № 8. С. 241–247.

⁶⁴ См.: Шевцов А. В. Учение М. И. Каринского и логика отношений С. И. Поварнина // Христианское чтение. 2016. № 4. С. 73–91.

к теориям, «...которые толкуют суждения как выражения не логических, а вещественных, „реальных“ отношений между понятиями или между мыслимыми предметами»⁶⁵. Интересной, богатой важными мыслями и замечаниями «попыткой реформировать обычную теорию умозаключений, исходя из атрибутивного толкования суждений, была попытка, принадлежавшая М. И. Каринскому»⁶⁶.

Многие из ученых и преподавателей, работавших в Санкт-Петербургском университете в разное время, числили себя учениками или почитателями профессоров Санкт-Петербургской духовной академии. Среди них можно назвать таких ученых, как: А. В. Савинов, И. Я. Чупахин, А. М. Плотников, И. Н. Бродский, О. Ф. Серебрянников, П. Н. Пипуныров, Г. И. Челпанов, Н. Я. Грот, Л. В. Рутковский, П. С. Порецкий, И. И. Лапшин, В. М. Каринский, С. И. Поварнин, Н. Н. Ланге, Э. Л. Радлов, Н. О. Лосский, Н. Н. Вокач и других.

⁶⁵ Поварнин С. И. Логика отношений. Ее сущность и значение // *Он же. Сочинения* / Сост., вступит. статья, примеч. В. И. Кобзарь, Т. Е. Сохор, Л. Г. Тоноян (отв. ред.). СПб.: Институт иностр. языков, 2015. С. 370.

⁶⁶ См.: Там же. С. 371.

Источники и литература

1. Антонович М. А. Избранные философские сочинения. М., 1945.
2. Антонович М. А. Основы науки. Трактат о логике и научном методе Стенли Джевонса. СПб., 1881.
3. Асмус В. Ф. Логика: Учебник. 3-е изд. М., 2010.
4. Введенский А. И. Логика как часть теории познания. СПб., 1912.
5. Введенский А. И. О Канте действительном и воображаемом. Комментарии к «Критике чистого разума» (По поводу книги г. Каринского «Об истинах самоочевидных»). М.: Типо-литографическое товарищество И. Н. Кушнарев и Ко, 1895.
6. Введенский А. И. О Канте истинном и воображаемом // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 5. № 22. С. 621–660.
7. Введенский А. И. Судьбы философии в России // Очерки истории русской философии. Изд-во Урал. Ун-та, 1991. С. 34–35; С. 37.
8. Введенский А. И. Учение Канта о смене душевных явлений. Ответ на защитительную статью г. Каринского // Вопросы философии и психологии. 1895. Кн. 29 (4). Сентябрь. С. 430–477.
9. Владиславлев М. И. Логика: Обзорение индуктивных и дедуктивных приемов мышления и исторические очерки: логики Аристотеля, схоластич. диалектики, логики формальной и индуктивной. СПб., 1872.
10. Гетманова А. Д., Стасюк В. А., Рынковой И. В. Логика (для духовных учебных заведений, а также религиозно-философских кафедр). М. 2016.
11. Глаголев С. С. Исходные начала логики // Вера и разум. Харьков, 1903, № 13. С. 23–58; № 14. С. 59–77; № 15. С. 109–144.
12. Глаголев С. С. Логика и математика // Научное обозрение, 1896. № 8. С. 241–247.
13. Глаголев С. С. Рецензия на докторскую диссертацию: Введенский Алексей Иванович. Религиозное сознание язычества. Опыт филос. истории естественных религий. Т. 1. Основные вопросы филос. истории естественных религий. Религии Индии. М., 1902 // Богословский вестник. 1913. Т. I.
14. Дебольский Н. Г. Философия будущего: Соображения о ее начале, предмете, методе и системе / 2-е издание. М., 2012.
15. Джевонс С. Основы науки. Трактат о логике и научном методе Стенли Джевонса / пер. М. А. Антоновича. СПб., 1881.
16. Джевонс Стенли. Элементарный учебник логики, дедуктивной и индуктивной с вопросами и примерами / пер. М. А. Антоновича. СПб., 1881.
17. Каринский М. И. Классификация выводов / 2-е издание. М., 1956.
18. Каринский М. И. Об истинах самоочевидных / 2-е издание. М. 2011.
19. Каринский М. И. По поводу полемики г. проф. Введенского против моей книги «Об истинах самоочевидных» // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1896. янв. (№ 1) Отд. 2. С. 243–290. Ч. 303.

20. *Каринский М. И.* По поводу статьи г. проф. А. И. Введенского «О Канте действительном и воображаемом» (начало) // Вопросы философии и психологии. 1895. Январь (кн. 26). С. 20–46.
21. *Катанский А. Л.* Воспоминания старого профессора (с 1877 по 1913 г.) // Христианское чтение. 1916. Февраль.
22. Логический словарь / под ред. Н. И. Кондакова. М., 1971.
23. *Лукиянов С. М.* О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы. Материалы биографии. XIII // ЖМНП. 1917. Январь.
24. *Маслин М. А.* Русская философия как единство в многообразии // Русская философия: многообразие в единстве. Материалы VII Российского симпозиума историков русской философии. М., 2001.
25. *Поварнин С. И.* Логика отношений. Ее сущность и значение / Глава XII и XIII. Теория М. И. Каринского // *Поварнин С. И.* Сочинения / Сост., вступит. статья, примеч. В. И. Кобзарь, Т. Е. Сохор, Л. Г. Тоноян (отв. ред.). СПб.: Институт иностранных языков, 2015. С. 370–376. 800 с.
26. *Предеин Д., прот.* Введение в философию: учебник для православных духовных школ. СПб., 2009.
27. *Продан И. С.* «Новая логика»: Критическое исследование и разъяснение новых и старых заблуждений и ошибок. Изд. 2-е. М., 2016.
28. *Радлов Э. Л. М. И. Каринский.* Творец русской критической философии. Пг., 1917.
29. *Радлов Э. Л.* Ученая деятельность проф. М. И. Каринского // ЖМНП. СПб., 1895. С. 3–54; С. 406–429; С. 302; Дек. С. 281–308.
30. *Радлов Э. Л.* Очерк истории русской философии // Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпет Г. Г. Очерки истории русской философии / сост., вступ. ст., примеч. Б. В. Емельянова, К. Н. Любутина. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991.
31. *Райковский А. И.* Логика, описывающая механизм нашей мысли, ее формы и законы на основании здравого, христианством руководимого, смысла, составленная протоиереем А. Райковским. СПб., 1857. Ч. 1.
32. А. И. Райковский: [некролог] // Странник. СПб., 1861. Январь. Отд. IV.
33. *Ростиславов И.* Санкт-Петербургская духовная академия до графа Протасова // Вестник Европы. 1872.
34. *Ростиславов И.* Санкт-Петербургская духовная академия при графе Протасове // Вестник Европы. 1884.
35. *Светилин А. Е.* [рецензия] Логика. Обзорение индуктивных и дедуктивных приемов мышления и исторические очерки: логики Аристотеля, схоластической диалектики, логики формальной и индуктивной М. Владиславлева. СПб., 1872 // ЖМНП. 1874. Ч. 174. С. 284–298.
36. *Светилин А. Е.* [рецензия] Логика. Обзорение индуктивных дедуктивных приемов мышления и исторические очерки: логики Аристотеля,

схоластической диалектики, логики формальной и индуктивной М. Владиславлева. СПб., 1872 // ЖМНП. 1874. Ч. 175. С. 211–252 [на эту рецензию имеется «ответ» Владиславлева].

37. Светилин А. Е. По поводу «ответа» Владиславлева // ЖМНП. 1875. Ч. 179. Май. С. 175–239.

38. Светилин А. Е. Умеренный материализм. СПб., 1878.

39. Светилин А. Е. Учебник формальной логики. СПб., 1871–1916.

40. Серебреников В. С. В. Н. Карпов как психолог // Христианское чтение. 1898. Ч. I.

41. Серебреников В. С. Декарт и его философия // Христианское чтение. 1896. Ч. I.

42. Серебреников В. С. Механическое воззрение на душевную жизнь пред судом современных строго научных психологических исследований // Христианское чтение. 1897. Ч. I.

43. Серебреников В. С. Новая книга о философии Канта (О Каринском и его теории) // Вопросы философии и психологии. 1894. № 23. Май.

44. Серебреников В. С. Опытная психология и ее методы // Христианское чтение. 1899. Ч. I.

45. Серебреников В. С. Психофизические исследования и их значение для психологии // Христианское чтение. 1895. Ч. I.

46. Серебреников В. С. Самооткровение духа как источник его познания // Христианское чтение. 1897. Ч. I.

47. Соловьев А. П. «Согласить философию с православной религией»: идейное наследие архиепископа Никанора (Бровковича) в истории русской мысли XIX–XX веков. Уфа: Изд. Словохотов А. А., 2015.

48. Уивелль Вильям [Wevell William] / пер. М. А. Антоновича. История индуктивных наук от древнейшего и до настоящего времени. СПб. 1867. Т. I, II; 1869. Т. III (соавтор перевода А. Н. Пыпин).

49. Устрялов Ф. Н. Воспоминания: Санкт-Петербургский университет в 1852–1856 г. // Исторический вестник. СПб., 1884. Т. XVI и XVII.

50. Флоровский Г. *прот.* Пути русского богословия. Вильнюс, 1991 (репр. изд.: Париж, 1937).

51. Цвык И. В. Духовно-академическая философия в России XIX в. М.: Изд-во РУДН, 2002.

52. Цвык И. В. Преподавание философии в Московской духовной академии XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2013. № 1.

53. Цвык И. В. Проблема соотношения веры и разума в русской духовно-академической философии XIX в. // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2011. № 4.

54. Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 229. Оп. 4. Д. 1633 (об обучении Каринского в семинарии и Московской духовной академии, 8 с.).

55. *Чистович И. А.* История Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1857.
56. *Чистович И. А.* Санкт-Петербургская духовная академия за последние 30 лет (1858–1888 гг.). СПб., 1889.
57. *Шевцов А. В.* Учение М. И. Каринского и логика отношений С. И. Поварнина // *Христианское чтение*. 2016. № 4. С. 73–91.
58. *Шевцов А. В.* Философские воззрения М. И. Каринского: Дис. канд. филос. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2014. С. 104–118; URL.: http://new.philos.msu.ru/uploads/media/Shevzov_A.V._thesis.pdf (дата обращения: 03.11.2014).
59. *Шевцов А. В.* Философские воззрения М. И. Каринского // *Христианское чтение*. 2015. № 3. С. 44–67.

Aleksandr Shevtsov. Logical-gnoseological direction of philosophy at Saint Petersburg Theological Academy (1870–1918).

This article studies the philosophical heritage of St. Petersburg Theological Academy and offers an analysis of the philosophical theories of philosophers from the Academy or connected to it. The ontological component of the gnosiological dimension of philosophy common to Russian philosophy as a whole, and to academic philosophy in particular, is studied. In light of this, the author offers an interpretation of the ideas of philosophers who influenced the formation of the philosophical context of the second half of the 19th century, beginning, in some sense, «from Karpov» as a still classical thinker. The author concludes that Russian philosophy was formed as a rationalization of the interpretation of two sources — early Christian literature and the reception of Plato through Leibniz and Wolff. Mikhail Karinsky, a Professor at St. Petersburg Theological Academy, made an attempt at anticipating the idea of new logic through a critical reconsideration of the classical model of Aristotle and the skeptic rationalism of Kant. In this article, an attempt is made to find the place of academic philosophy in the overall environment of Russian philosophical thought of the second half of the 19th and beginning of the 20th century.

Keywords: St. Petersburg Theological Academy, ontology, gnosiology, logic, Fyodor Sidonsky, Vasily Karpov, Mikhail Karinsky, Mikhail Vladislavlev, Vitaly Serebrennikov, Nikolay Deboľsky, philosophy of Plato, Leibniz, philosophy, theology.

Aleksandr Viktorovich Shevtsov — Candidate of Philosophy, senior lecturer at the Department of Philosophy at Moscow Aviation Institute (National Research University) (ashevzov@mail.ru).